З. В. УДАЛЬЦОВА

БОРЬБА ВИЗАНТИЙСКИХ ПАРТИЙ НА ФЛОРЕНТИЙСКОМ СОБОРЕ И РОЛЬ ВИССАРИОНА НИКЕЙСКОГО В ЗАКЛЮЧЕНИИ УНИИ

Ферраро-Флорентийский собор занимает выдающееся место среди церковных соборов Средневековья.[1] На этом соборе была заключена уния между Западной и Восточной церковью; однако эта уния не явилась союзом равноправных сторон, а была создана на основе догматической и политической капитуляции православного Востока перед католическим Западом. На этом же соборе был положен конец попыткам (со стороны Базельского собора) ограничить папское единодержавие в католической церкви; папский абсолютизм вновь получил верховную санкцию.

Но, как известно, ферраро-флорентийская победа папства оказалась недолговечной. Решения собора не только не ослабили противо-

---

[1] В дворянской и буржуазной историографии Флорентийскому собору посвящено не мало работ, однако в подавляющем большинстве они отличаются крайней тенденциозностью и антинаучностью. В основном, они отражают борьбу двух враждебных течений в историографии, католического и православного, и дают оценку собора с определенных политических и конфессиональных позиций.

В ярко выраженном католическом духе написаны следующие работы: Fleury. L'Histoire ecclésiastique, т. XXII, 1752, — весьма обширная работа, дающая богатый фактический материал; Rohrbacher. L'Histoire de l'église catholique, т. XXI,—крайне партийное произведение в латинском духе, написано, главным образом, на основании Латинских актов собора, составленных Andrea de Santa Croce; Hefele. Conciliengeschichte, т. VII, Freiburg, 1874,—труд, дающий богатый материал для истории церковных соборов Средневековья, однако проникнутый крайней тенденциозностью; Ciaconius, Historia pontificum Romanorum et cardinalium, v. II, Romae, 1677, представляющая собой, главным образом, публикацию соборных материалов; Goethe. Studien und Forschungen über das Leben und die Zeit des Cardinals Bessarion. Jena, 1871 и др. Критическое отношение к обычной католической трактовке истории Флорентийского собора мы находим у Фроммана, в его труде „Kritische Beiträge zur Geschichte der Florentiner Kircheneinigung". Halle, 1872. Книга Фроммана разоблачает эгоистическую политику папства и его деспотические домогательства по отношению Византийской империи. Подобную же точку зрения мы находим и у Dräseke. Zum Kircheneinigungsversuch des Jahres 1439, Byz. Ztschr., V (1896), 580. С православных позиций трактуют историю собора: Неизвестный автор. История Флорентийского собора. М., 1849 г. под ред. А. Горского; А. Л. Катанский. История попыток к соединению церквей греческой и латинской. СПб., 1868 и др. Труд русского ученого Катанского дает большой материал по истории всех попыток заключить унию между Западной и Восточной церковью, начиная с разделения церквей и до падения Византии. Самой Флорентийской унии в этой работе уделено сравнительно мало внимания.

Новейший труд по этому вопросу: G. Hofmann. Epistolae pontificae ad concilium Florent. spectant., t. I, Roma, 1940; t. II, 1944. Специальных работ историков-марксистов, посвященных Флорентийскому собору, еще нет.

речий как внутри католицизма, так и между католичеством и православием, но еще более обострили эти противоречия; в частности, борьба между латинской и греческой церковью приобрела особенно напряженный характер именно в результате решения собора об унии и, в конечном счете, привела к полному провалу унии. Что же касается победы папства над Базельским собором, то она также оказалась весьма эфемерной, и борьба против папского абсолютизма вскоре развернулась на новой, правда, основе в реформационном движении.

В настоящей статье нас интересует, главным образом, так называемый „греческий вопрос" на Флорентийском соборе, т. е. борьба вокруг заключения Флорентийской унии, а также роль вождя латинофильской партии Виссариона Никейского на этом соборе. Основным источником для изучения данного вопроса являются Акты собора, составленные тремя авторами, принадлежавшими к трем борющимся лагерям: католическая сторона представлена протоколами собора, составленными Andrea de Santa Croce;[2] латинофильствующий лагерь греков оставил нам свои Acta Graeca;[3] ортодоксальный греческий лагерь изложил свой взгляд на события в труде православного грека, великого эклесиарха Сильвестра Сиропула.[4]

Протоколы заседаний собора, составленные католическим прелатом Andrea de Santa Croce, — воинствующий документ католической церкви, прославляющий деяния на Флорентийском соборе папы Евгения IV и его помощников, представителей римской курии. „Греческие акты" собора (Acta Graeca) — источник весьма сложный и интересный. Автор Acta Graeca неизвестен, но кто бы он ни был, совершенно очевидно, что он был грек и ярый латинофил; он сочувствует унии и всячески стремится выдвинуть на соборе на первый план латинофилов и их вождя — Виссариона Никейского.

Труд Сильвестра Сиропула „Vera historia unionis non verae inter Graecos et Latinos sive concilii Florentini exactissima narratio" — важнейший источник православного направления,[5] трактующий историю Флорентийского собора с позиций грека-ортодокса. Автор — человек образованный, занимавший видное положение в византийской церкви (великий эклесиарх и дикеофилакс), принимал самое активное участие в борьбе, развернувшейся в Византии вокруг Флорентийской унии, участвовал лично в подготовке к собору и в его деятельности и оставил нам весьма подробную его историю.

Труд Сиропула — произведение сугубо партийное; Сиропул — ярый приверженец православного течения; по его словам,[6] он не раз подвергался императорской опале и преследованиям со стороны латинофилов за сопротивление унии. При всех достоинствах труда Сиропула (обилие материала, подробность изложения, привлечение документальных данных — актов собора, грамот императора, патриарха, папы и др.) им надо пользоваться с большой осторожностью, учитывая его крайнюю тенденциозность. Кроме этих основных источников, для изучения „греческого вопроса" на Флорентийском соборе необходимо привлечь еще ряд византийских

---

[2] Mainsi, t. XXXI; Labbe, t. XIII; Harduin, t. IX.

[3] Ibid.

[4] S. Syrop. Vera historia unionis non verae inter Graecos et Latinos. Hage-Comitis, 1660.

[5] Начало труда Сиропула утеряно, поэтому точное его название неизвестно: это же название, весьма тенденциозное, впрочем хорошо выражающее настроения автора, дано труду Сиропула его издателем — Cleyghton. Hage-Comitis. 1661.

[6] S. Syrop., lib. II, cap. 8.

источников, вводящих нас в гущу партийной борьбы на соборе и принадлежащих к двум направлениям: латинофильскому и греко-православному. К источникам первого рода относятся, прежде всего, произведения вождя латинофилов Виссариона, архиепископа Никейского,— его речи на Флорентийском соборе и его письма по поводу заключения Флорентийской унии, в частности два обширных письма Виссариона к видному латинофилу Алексею Ласкарису Филантропину.[7] В этих письмах Виссарион освещает историю собора с позиций латинофилов, подробно излагает догмат об исхождении св. духа (согласно учению католической церкви) и всячески стремится оправдать свое поведение и поведение других латинофилов на Флорентийском соборе.[8] Не менее тенденциозны богословские труды младшего современника Виссариона, также видного латинофила XV в., Иосифа Мефонского. Центр тяжести его богословских трудов лежит в защите латинского учения об исхождении св. духа, причем на них оказали немалое влияние богословские произведения Виссариона. Истории Флорентийского собора посвящен ряд произведений Иосифа Мефонского, в том числе „Опровержение выступлений Марка Эфесского на Флорентийском соборе", „Канон VIII Флорентийского собора" и трактат „О разногласиях между греками и латинянами на Флорентийском соборе".[9]

Греко-православная точка зрения ярко выступает в трудах выдающихся византийских богословов-ортодоксов того времени, и прежде всего в трудах вождя православной партии Марка Евгеника, архиепископа Эфесского. Особенный интерес представляют выступления Марка Эфесского на Флорентийском соборе и его письма по поводу унии.[10] Ценным источником являются также речи на соборе и послания к собору другого видного ортодокса — Георгия Схолария, будущего константинопольского патриарха Геннадия.

Из византийских историков XV в. сочувственно к Флорентийской унии относится латинофильски настроенный Дука,[11] национально-православную же точку зрения выражает Франдзи.[12]

При сопоставлении всех этих источников различных направлений мы можем более полно и объективно изучить историю Флорентийского собора и воссоздать картину ожесточенной партийной борьбы, развернувшейся на соборе.

Если мы просмотрим эти обширные материалы, то на первый взгляд может показаться, что на соборе решались исключительно церковные вопросы, шла богословская полемика между латинянами и греками.

На всех заседаниях собора как в Ферраре, так и во Флоренции, длившихся около полутора лет,[13] происходили бесконечные и большей частью бесплодные споры между латинскими и греческими ораторами о допустимости или недопустимости прибавки к символу веры, об исхождении св. духа, о чистилище, таинстве евхаристии, опресноках и т. д. Но сам характер указанных выше документов, их тенденциозность, боевой полеми-

---

[7] Речи Виссариона на Флорентийском соборе и его письма о Флорентийской унии собраны у Migne. Patrologia graeca, t. 161.

[8] Ibid., pp. 321—407.

[9] Все эти произведения Иосифа Мефонского помещены у Migne в Patr. gr., t. 159, pp. 259—1107.

[10] Migne. Patr. gr., t. 160.

[11] Ducas. Historia Byzantina, ed. Bonn.

[12] Migne. Patr. gr., t. 150.

[13] Собор в Ферраре открылся 8 января 1438 г. и длился до 10 января 1439 г. Во Флоренции заседания продолжались с 13 февраля 1439 г. по 26 мая 1442 г., а затем были перенесены в Рим и длились до 4 января 1445 г. Греческий вопрос разбирался до августа 1439 г.

ческий дух, которым они проникнуты, говорят о том, что за всем этим скрывалась ожесточенная борьба, движущей пружиной которой являлись экономические и политические интересы, что страсти кипели вокруг коренных политических вопросов. В догматическом одеянии столкнулись политические интересы Византийской империи и папского престола.

Эта борьба развернулась по двум главным линиям: с одной стороны, между папством и греками, с другой — между самими греками, между латинофильской и ортодоксальной партиями греческой делегации. Византийский император и латинофильская партия связывали с собором вопрос о судьбе Византии в трагический момент существования империи и возлагали тщетные надежды на помощь латинского Запада в борьбе с турецкой опасностью; папа домогался в первую очередь удовлетворения давнишних чаяний папского престола — установления господства римского владыки над Восточной церковью.[14]

Для папской курии „греческий вопрос" в тот момент имел особое значение и в другом отношении. Время Флорентийского собора было периодом продолжавшегося кризиса папства. Только что закончились гуситские войны, потрясшие папский престол, и память о них была еще свежа; продолжалось соборное движение — духовная фронда католического духовенства против папского абсолютизма. Исход борьбы между папой и Базельским собором еще не был ясен, и победа над Восточной церковью должна была укрепить авторитет папы и помочь ему установить свое единодержавие в церкви. Для достижения этой цели папа Евгений IV пустил в ход на соборе все средства, которыми он располагал: наряду с цитатами из священного писания и творений отцов церкви было широко использовано и более острое оружие — папское золото.[15]

Широко использовалась римской курией партийная борьба среди греков; папа старался посеять рознь между латинофильской и православной частями византийской делегации и всячески подкреплял пыл вождей латинофилов обещаниями богатых синекур и высоких должностей.[16] Греки капитулировали. Главной причиной этого все же была не политика папства, а безвыходное положение Византийского государства.

Конечно, победа папства была облегчена внутренней борьбой между латинофильской и ортодоксальной партиями самих греков, достигшей особого напряжения во время собора, но имевшей свою длительную историю.

Она началась вскоре после разделения Восточной и Западной церквей (XI в.), но особенно усилилась в период заката Византийской империи — в эпоху Палеологов. XV в. был кульминационным моментом в истории длительной партийной борьбы, раздиравшей византийское общество в течение столетий. Тяжелое внешнеполитическое положение Византии приводит к значительной активизации латинофилов в XV в. Усиливается латинофильское течение, одержавшее крупную, хотя и недолговечную победу на Флорентийском соборе.

---

[14] Как известно, попытки римской курии подчинить себе восточную церковь начались с самого момента разделения церквей (1054 г.) и особенно ярко проявились в политике Иннокентия III во время IV крестового похода. Падение Латинской империи привело к временному крушению этих честолюбивых планов. Теперь же, в XV в., видя безвыходное внешнеполитическое положение и внутренний упадок Византии, папство решило, что вновь настал благоприятный момент для полного удовлетворения его деспотических притязаний.

[15] Папа поставил византийских делегатов в полную материальную зависимость, доведя их до крайней нужды, а затем пустил в ход запугивания, подкуп, обещания высоких почестей и наград для ренегатов и т. д.

[16] Например, вождям латинофильской партии, Виссариону и Исидору, еще во время собора был обещан кардинальский сан.

Политическая программа латинофильствующей партии, как ее можно восстановить по современным источникам,[17] вполне ясна: главный враг империи — турки, несущие гибель государству. Для спасения страны необходима помощь Запада, а единственный путь к этому — любой ценой покончить с религиозной враждой между Западом и Востоком. Если для достижения этого религиозного единства от Византии потребуются жертвы — их нужно принести, ибо они меньшее зло по сравнению с внешней турецкой опасностью.

В XV в. латинофильская партия в Византии насчитывала в своих рядах не мало видных ученых, политических деятелей, духовных и светских сановников. Как известно, последние Палеологи были вынуждены искать помощи и защиты на Западе, императоры Иоанн V и Мануил II совершали путешествия в Западную Европу для получения помощи и вели переговоры об унии. Император Иоанн VIII Палеолог был не только убежденным сторонником унии, но и деятельным организатором Флорентийского собора и настойчивым борцом за соединение церквей. При дворе последних Палеологов было немало придворных, разделявших взгляды своих монархов и стоявших за унию.[18]

Латинофильство византийских императоров имеет чисто политические причины (помощь Запада против внешней опасности). В основном эту идею поддерживали и разделяли все латинофилы.[19] Определенные группы господствующих классов византийского общества имели и свои особые причины, толкавшие их в сторону сближения с Западом. Можно предположить, что для части византийской феодальной знати союз с Западом казался менее опасным, чем турецкая угроза.[20]

Для византийской интеллигенции, для людей науки, сближение с Западом имело свою почву; ведь между Византией и Западной Европой прочно установились тесные культурные связи, особенно укрепившиеся в эпоху гуманизма.

Что касается части духовенства, поддерживавшей латинофилов, то она принадлежала, повидимому, к так называемой партии „политиков", или умеренных, противопоставляемых обычно в церковной истории Византии партии крайних — „зилотов".[21] Партия умеренных опиралась не на монахов, а главным образом на белое духовенство. В противоположность зилотам,

---

[17] Ducas. Historia Byzantina, pp. 212—216, 252—254, 261—264, 291—296 и др. О политической программе и социальном составе партии латинофилов.

[18] К ним принадлежали: Алексей Ласкарис Филантропин, великий стратопедарх Марк Иагрий, Иоанн Дисипат, Дмитрий Ангел, Михаил Булет и др. Из видных духовных сановников к униатам принадлежали: Виссарион, архиепископ никейский, протосинкелл Георгий Мамма, Исидор Русский, Дорофей Митиленский, Макарий Макр, Георгий Макромер.

[19] З. Удальцова. Борьба партий в Византии в XV в. и деятельность Виссариона Никейского. Автореферат. — Вестник МГУ, 1947, № 1.

[20] Немаловажную роль в возникновении латинофильского течения сыграли крестовые походы и латинское завоевание, которые, с одной стороны, вызывали „национальное" движение византийского народа и усилили национальную и религиозную рознь между Западом и Византией, но, с другой стороны, способствовали сближению феодальной верхушки Византии с Западом — феодальная организация, законы и обычаи в их ярко выраженной форме, принесенные крестоносцами с Запада, не стояли в противоречии с достаточно уже развитыми феодальными отношениями в Византии, и византийские феодалы охотно и быстро воспринимали некоторые западные феодальные институты, чему доказательством служит быстрое распространение в Византии западной феодальной терминологии. Быт и нравы латинских рыцарей также оказали значительное влияние на византийскую знать. Это, конечно, не исключало борьбы другой части византийских феодалов против латинян, захватывавших их земли.

[21] Эти названия византийских партий встречаются у византийских историков Н. Григоры, Пахимера и др.

стоявшим за сильную и независимую от государства церковь, политики искали в государстве поддержку для церкви. Они готовы были итти на значительные уступки государственной власти и всячески стремились к союзу с императорами. В вопросе об унии (как и в ряде других) они шли на уступки императорской власти и из политических соображений поддерживали византийский двор.

Латинофильское течение вызвало самый решительный отпор со стороны греко-православной партии, очень влиятельной в Византии, однако в XV в. начавшей несколько сдавать свои позиции. Эта партия, так же как и латинофильская, выражала интересы господствующих классов византийского общества. Ядро православной партии и в XV в. состояло из духовенства и монашества, причем последнее было оплотом и основной силой этой партии. В подтверждение этого, кроме многочисленных свидетельств византийских историков (Дука, Франдзи),[22] можно привести один очень интересный и еще не использованный в этом отношении документ XV в. — „Послание прота и иноков Афонской горы к великому князю Василию Васильевичу о правоверии Восточной церкви и суемудрии Западной по случаю Флорентийского собора".[23] Этот документ, написанный вскоре после Флорентийского собора, отражает борьбу латинофильской и православной партий в Византии за церкви других восточных государств, в частности за русскую церковь. Весьма симптоматично, что с призывом сохранять верность православию и с похвалами великому князю Василию Васильевичу за то, что он отверг решение Флорентийского собора, выступают монахи Афона. В своем длинном послании они говорят о главных расхождениях, разделяющих Западную и Восточную церкви[24] и подчеркивают, что хранителями православия в Восточной империи является „св. гора Афон, в ней же отцы, исповедующие крепце православную веру сдержат высоко, проповедуют и хулят единомудренных латином". Далее, они осыпают многочисленными обвинениями и всячески бранят своих противников латинофилов и императора Иоанна Палеолога, осуждая их за заключение унии и убеждают великого князя Московского искоренить у себя латинскую ересь.

Православная партия в XV в. имела в своих рядах не мало выдающихся лиц. Первое место среди них вначале бесспорно принадлежало крупнейшему деятелю греко-православного течения на Флорентийском соборе — Марку Эфесскому. Преемником Марка Эфесского, ставшим после его смерти вождем православной партии, был видный богослов и церковный деятель Георгий Схоларий.[25]

Главы Восточной церкви — патриархи Филофей Александрийский, Дорофей Антиохийский и Иоаким Иерусалимский тоже выступали

Ducas. Назв. соч.

[23] Летопись занятий Археографической комиссии, вып. III. См. А. Н. Попов. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М., 1875; Павлов. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878.

[24] Летопись занятий Археографической комиссии, вып. III, стр. 29.

[25] Из других деятелей православной партии в Византии в XV в. можно назвать: Антония, архиепископа Гераклейского; великого эклесиарха Сиропула; брата Марка Эфесского — Иоанна Евгеника; монаха Афанасия, избранного, согласно православной традиции, собором 1450 г. в константинопольские патриархи вместо латинофила Григория Маммы, и др. Деспот Дмитрий, брат императора Иоанна Палеолога, тоже был ярым приверженцем православия и не подписал Флорентийскую унию. Впоследствии он использовал недовольство Флорентийской унией со стороны населения Византии и даже попытался поднять восстание против своего брата.

против Флорентийской унии, при поддержке большинства духовенства Византии.

Непримиримая позиция по отношению к латинству большей части византийского духовенства и монашества объясняется, помимо религиозной нетерпимости, экономическими и политическими причинами. Уния с Западом на основе догматических уступок католицизму означала для византийского духовенства и монашества потерю господствующего положения в византийской церкви и ставила под угрозу их церковные доходы, так как влекла за собой усиление влияния католического духовенства в Византии. Таким образом, для византийского духовенства принятие унии означало, что ему пришлось бы „потесниться" и уступить часть доходов западным прелатам. Известная часть высшего духовенства, „политиков", близких к императорскому двору, шла на союз с Западом в силу политических соображений, надеясь, по всей вероятности, сохранить свое высокое положение и свои доходы и после заключения унии, но большинство византийского клира не желало уступать своих позиций. Кроме того, для византийского духовенства и монашества переход на сторону унии означал бы потерю популярности в широких слоях византийского народа, крайне враждебно настроенного против латинян.

Действительно, большинство населения Византии имело свои счеты с латинянами. Латинское завоевание и гнет латинских феодалов были еще очень свежи в памяти византийского крестьянства — господство латинян вызвало дальнейшее развитие и усиление феодализма в Византии и ухудшило положение широких масс византийского крестьянства. Византийское купечество и ремесленники чрезвычайно страдали от засилия иностранных, главным образом итальянских, торговцев, захвативших в свои руки почти всю торговлю Византии, и активно выступали против унии. Таким образом, первоначально греко-православная партия в Византии находила многочисленных сторонников и прямую поддержку у византийского народа, пострадавшего от латинян.[26]

Таковы в общих чертах основные моменты партийной борьбы в Византии в период, предшествовавший созыву Флорентийского собора. На самом же соборе и во время подготовки к нему борьба латинофильской и православной партий приняла особо острые формы.[27]

Мысль об унии с Западной церковью возникала и в византийских правящих кругах в тяжелые периоды истории империи, когда стране грозила какая-нибудь серьезная внешняя опасность.

Переговоры, которые привели к заключению Флорентийской унии, начались еще при отце Иоанна VIII Палеолога — императоре Мануиле. Папский престол и константинопольский двор обменялись тогда рядом посольств, однако переговоры затягивались. Толчком к активизации Византии в этих переговорах была страшная опасность, нависшая над столицей империи в 1422 г., когда войска турецкого султана Мурада I

---

[26] Подробную характеристику общественных групп, на которые опирались латинофильская и греко-православная партии, мы даем в работе, посвященной борьбе партий в Византии в XV в. См. З. Удальцова. „Борьба партий в Византии в XV в. и деятельность Виссариона Никейского" (автореферат). Виз. Вр., том II, М.—Л. 1949.

[27] Этот вопрос у большинства исследователей, занимавшихся историей Флорентийского собора, оставался в тени или трактовался с конфессиональной точки зрения. Например, Васт (H. Vast. Le cardinal Bessarion. Paris, 1878) стремится выдвинуть на первый план латинофилов и показать их решающую роль в заключении унии. Напротив, русский исследователь А. Садов („Виссарион Никейский". СПб., 1883) всячески подчеркивает влияние и силу на соборе православной партии и ее вождя Марка Эфесского, стремясь доказать, что раскол внутри греков произошел уже в ходе собора, когда часть их, в том числе и Виссарион, перешли на сторону папства.

осадили город и угрожали существованию Византийского государства. После снятия осады наследник престола Иоанн Палеолог лично отправился за помощью в Италию к папе Мартину V и в Венгрию к императору Сигизмунду. Успешно проходившие переговоры о созыве вселенского собора были, однако, временно прерваны смертью императора Мануила. Впрочем, новый византийский император Иоанн VIII Палеолог вскоре вновь был вынужден поднять вопрос об унии.

К этому его настоятельно толкало крайне затруднительное внешнеполитическое положение государства. В 1431 г. один из крупнейших и важнейших торговых центров Византии, г. Фессалоники, попал в руки турок. Политическая атмосфера в Византийской империи чрезвычайно накалилась, над государством нависли черные тучи. При таких обстоятельствах император Иоанн деятельно берется за организацию вселенского собора. В 1431 г.[28] он отправляет к папе Мартину V посольство во главе с видным латинофилом Иагрием, императорским секретарем Деметрием Ангелом и монахом Макарием. Однако послы вернулись еще с дороги, узнав о смерти папы. Чрезвычайно раздраженный неудачей, император немедленно снаряжает другое посольство с целью узнать настроение нового папы. Евгений IV сперва относился к заключению унии довольно холодно, но затем, поставленный в весьма затруднительное положение в своей борьбе с Базельским собором, решил использовать греков. Заключение унии с Восточной церковью и возвращение схизматиков-греков в лоно католической церкви явилось бы крупным козырем в международной политике папы. Видимо, это очень хорошо понимали как папская курия, так и деятели Базельского собора. Борющиеся стороны стремятся теперь использовать этот козырь. В результате развертывается борьба Евгения IV и Базельского собора за привлечение греков на свою сторону — борьба, закончившаяся победой папы. Эта борьба весьма искусно была использована византийским двором для достижения более благоприятных условий созыва собора.

В результате длительных переговоров, затянувшихся до 1437 г., во время которых шли споры вокруг двух вопросов — о месте созыва собора и о размерах субсидий грекам, византийский император склонился на сторону папы. Решающую роль в этом сыграли деньги и корабли, присланные папой в Константинополь, в то время как отцы Базельского собора расточали перед императором лишь одни обещания.[29] Не малую роль в окончательном решении императора сыграло и то обстоятельство, что папа местом созыва собора предложил Феррару, город, в который поездка была не столь затруднительной для греков, в то время как Базельский собор предлагал более отдаленные пункты. Кроме того, от Базельского собора оттолкнула византийцев заносчивость «базельских отцов», которые не скрывали своих агрессивных планов и открыто говорили, что «после уничтожения новой ереси богемцев, они решили искоренить старую ересь греков». Такое поведение некоторых деятелей Базельского собора резко контрастировало с мягкостью и уступчивостью папы, однако эта его уступчивость была лишь дипломатическим маневром в борьбе с Базельским собором, и

[28] Syrop., lib. II, cap. 16 и 19; Франдзи, т. II, гл. 9.

[29] Иоанн Палеолог заключил с папой договор, по которому римская курия обязалась выдать византийской делегации 8 тыс. золотых дукатов для покрытия издержек по переезду в Италию и предоставить четыре больших корабля и 300 стрелков охраны. Кроме того, император лично получил 10 тыс. золотых дукатов, якобы для устройства государственных дел, которые могли притти в расстройство в его отсутствие. — Syrop. lib. III, cap. 2.

византийская делегация очень скоро это почувствовала. Но успешный ход переговоров и сговорчивость Евгения IV поддерживали в Иоанне Палеологе и его сторонниках радужные надежды на выгодные условия заключения унии.[30]

Довольно длительный период времени, занятый переговорами с представителями Западной церкви и подготовкой к собору, был полон ожесточенной борьбы партий в Византии. Инициаторами и организаторами унии выступали император совместно с латинофильской партией, ее ожесточенными противниками были представители ортодоксального духовенства и монашества. Сторонники унии деятельно взялись за организацию собора. Для них, прежде всего, необходимо было обеспечить присутствие на соборе представителей вселенских патриархов и восточных церквей, для того чтобы придать решениям собора бо́льшую авторитетность.

Император разослал своих послов к вселенским патриархам, а также к восточным государям. Исидор, игумен константинопольского монастыря св. Дмитрия, был назначен митрополитом киевским и отправился на Русь к великому князю Василию III с миссией — привлечь этого влиятельного государя на сторону унии. Исидору удалось временно добиться успеха, и он был делегирован от русского духовенства на Ферраро-Флорентийский собор.[31] Другой латинофил, Андроник Иагрий, был послан императором в Грузию и Трапезунт, где он также добился посылки представителей на собор. Было достигнуто соглашение по этому вопросу и с господарями Молдавии и Валахии, также приславшими своих делегатов. Однако деспот Сербии[32] отказался прислать своих представителей. Встретились затруднения и со стороны вселенских патриархов. Несмотря на ловкость и энергию императорского посла — видного представителя латинофильского течения Георгия Макромера, — патриархи, хотя и назначили своих делегатов на собор, но отказались дать им широкие полномочия. Императору пришлось вторично отправлять к ним посольство во главе с монахом Феодосием, которому с трудом удалось добиться согласия патриархов предоставить своим делегатам свободу действий на соборе.[33]

Несмотря на то, что сопротивление вселенских патриархов было сломлено и императору удалось добиться того, что представителями патриархов были выделены лица безусловно латинофильского направления,[34] антиуниатская позиция восточных патриархов не подлежит сомнению. Главы восточных церквей лишь временно уступили давлению императорской власти, но впоследствии открыто выступили против решений Флорентийского собора.

Второй задачей, стоявшей перед императором и латинофилами при подготовке собора, было формирование делегации самой константино-

---

[30] О подготовке собора и переговорах с папой и Базельским собором, кроме названных работ Hefele, Frommana, Goethe, см. Zhisman. Die Unionsverhandlungen zwischen der orientalischen und römischen Kirchen. Wien, 1858.

[31] Назначение Исидора главой русского духовенства и столь важная миссия, порученная ему, свидетельствуют о той выдающейся роли, которую в то время играл в партии латинофилов будущий кардинал, и о его влиянии при византийском дворе.

[32] Syrop., lib. III, cap. 4.

[33] Ibid.

[34] Так, патриарх иерусалимский выдвинул своими представителями на собор латинофилов Исидора Русского и Дионисия Сардского; патриарх антиохийский — протосинкелла Григория, видного деятеля латинофильской партии, и Иосифа Эфесского, и только патриарх александрийский избрал своими представителями влиятельных членов православной партии Марка Евгеника и Антония Гераклейского.

польской церкви, которая должна была составить основное ядро всего византийского посольства на соборе. И здесь сторонники унии столкнулись с немалыми трудностями. На первый взгляд кажется странным, что император Иоанн Палеолог и его сторонники-латинофилы не подобрали на собор людей, достаточно известных своими латинофильскими взглядами, и не обеспечили в составе делегации большинства сторонников унии. Напротив, в числе лиц, которые были выдвинуты на первые места и которым предназначалась руководящая роль на соборе, находились такие ярые ортодоксы и непримиримые враги латинян, как Марк Евгеник, возведенный в сан архиепископа эфесского, и близкий ему Георгий Схоларий. Правда, рядом с ними поставлены были Виссарион и Исидор, уже известные своими симпатиями к унии, но, как показали дальнейшие события, латинофилы оказались сперва в меньшинстве на соборе и им, а также самому императору, пришлось выдержать упорную борьбу с ортодоксами и колеблющимся большинством византийской делегации, ближе стоявшим к православной партии.

Подобное положение можно объяснить следующими причинами.

Времена неограниченного главенства императорской власти над церковью в Византии безвозвратно миновали. Император вынужден был считаться с тем фактом, что православная партия пользовалась в стране большим влиянием, и без ее участия заключение унии было бы невозможно. Тем более, дело не могло обойтись без Марка Эфесского, вождя православной партии, к тому же выдвинутого в делегаты таким влиятельным патриархом, как патриарх александрийский.

Включение ортодоксов в соборную делегацию было даже выгодно императору; именно потому, что православная партия была популярна в широких кругах византийского народа, император хотел заключить унию руками ортодоксов, с тем чтобы прикрыться их именами, учитывая непопулярность унии.

В интересах Иоанна Палеолога было заключить унию ценою наименьших догматических уступок; это предполагало ожесточенную богословскую борьбу с латинянами на соборе. Предстоящая полемика требовала участия в греческой делегации наиболее видных православных богословов, большинство которых принадлежало к ортодоксальной партии.

Сама православная партия, сперва не желавшая принимать участие в соборе, в дальнейшем сочла более благоразумным участвовать в нем и, используя свое влияние на византийское духовенство, добилась того, что большинство византийской делегации явно или тайно сочувствовало ей.

Таким образом, в составе константинопольской делегации оказались представители обеих партий, причем большинство принадлежало ортодоксам. Обе партии готовились к собору, но готовились по-разному, так как и самый вопрос об унии они решали с различных позиций. Что касается православной партии, то она, пойдя на участие в соборе после упорной борьбы, считала возможным заключение унии только на базе догматической капитуляции католичества. Поэтому для нее подготовка к собору являлась, в первую очередь, подготовкой к богословским боям на соборе, с целью теоретического разгрома Западной церкви. Для партии же латинофилов собор и уния были делом политики; без практического заключения унии и получения помощи Запада для них собор терял всякий смысл. При этом размер догматических уступок папству для латинофильской партии не играл решающей роли. Поэтому не в теоретической подготовке к собору латинофилы видели свою

главную задачу.[35] Латинофилы являлись деятельными помощниками и агентами императора в дипломатической подготовке собора, выполняя ответственные дипломатические поручения (миссии к патриархам и восточным государям, переговоры с западным духовенством и т. д.) и активно способствовали успеху собора своей организаторской деятельностью и агитацией за его созыв.

Но, безусловно, и партии латинофилов необходимо было принять активное участие в будущих богословских прениях на соборе, и поэтому перед этой партией встал вопрос о выдвижении и подборе своих ученых-богословов и талантливых ораторов, которые могли бы отстаивать взгляды латинофилов на соборе. Весьма подходящей для этой роли фигурой был Виссарион Никейский. Еще в пелопоннесский период своей жизни Виссарион приобрел значительную известность как ученый-проповедник и блестящий оратор: его проповеди и публичные выступления пользовались большой популярностью. Ораторский талант и ученость Виссариона известны были и при дворе, где имели успех его надгробные речи. Кроме того, Виссарион уже был известен своими латинофильскими взглядами и находился в рядах приверженцев унии, хотя и не стоял еще во главе латинофильской партии. Честолюбие Виссариона толкало его на активное участие в деле, угодном императору, а его политические убеждения заставляли с надеждой смотреть на латинский Запад, ожидая оттуда для своей родины помощи против турок.

Император Иоанн Палеолог оценил образованность и ораторский талант Виссариона и, будучи осведомлен о его политических симпатиях, решил выдвинуть его в качестве оратора и ученого богослова, представляющего на соборе интересы латинофильского течения.[36]

Еще во время подготовки к собору Виссарион по настоянию императора был из игумена монастыря возведен в высокий сан архиепископа никейского. Одновременно с Виссарионом подобные же высокие назначения получили и другие латинофилы: так, Исидор был возведен в сан митрополита киевского, а Дионисий — митрополита сардского.

Подобные назначения, полученные видными латинофилами и в том числе Виссарионом, свидетельствуют о желании императора поднять их авторитет и влияние в связи с ролью, которую они должны были играть на соборе.[37] По словам биографов Виссариона — Платины,[38] Бандини[39]

---

[35] Этим, повидимому, объясняется сообщение Сиропула о том, что во время совещаний духовных и светских лиц, собиравшихся у императора, где ставились вопросы чисто теоретической подготовки к богословской полемике с латинянами, первую скрипку играли православные богословы — Марк Евгеник и Георгий Схоларий (Syrop. III, cap. III).

По их настоянию было решено в теоретической подготовке уделить главное внимание изучению творений восточных отцов церкви и православного греческого полемиста Нила Кавасилы (ibid.).

[36] По словам ученого грека Амируцци, одного из участников Флорентийского собора, Виссарион уже во время подготовки к собору был любимцем императора Иоанна Палеолога, „который, намереваясь отправиться на собор, во всем руководствовался его советами“ (см. письмо Амируцци к деспоту Дмитрию у Алляция „De consensu ecclesiast“). Таким образом, у нас есть прямое свидетельство современника о влиянии Виссариона на императора уже в этот период.

[37] Историк Флорентийского собора Сиропул, весьма подробно описывавший приготовления греков к собору, ничего не говорит о какой-либо особой миссии или каком-либо важном поручении по организации собора, которые выполнял бы в это время Виссарион подобно другим латинофилам — Исидору, Вальзамону, Иагрию и др. (Syrop. III, cap. III).

[38] Platina. Migne. Patr. gr., t. 161, p. CVI.

[39] Bandini. Ibid., cap. 6.

и др., в период, предшествующий собору, Виссарион главное свое внимание уделял теоретической подготовке, тщательно изучая творения восточных отцов церкви, и уже в этот период штудировал труды греческих латиномудрствующих полемистов (Векк, Кидонис), знакомство с которыми он обнаружил впоследствии на соборе.

Возможно, уже в это время Виссарион читал также труды латинских схоластиков в греческом переводе, расширив и углубив затем свои знания в Италии, в ходе самого собора, при помощи своих новых итальянских друзей — ученых гуманистов и представителей западного духовенства. Это знание латинской богословской литературы оказало в дальнейшем Виссариону значительную услугу в его борьбе с православной партией.

Таким образом, Виссарион готовился к выступлению на соборе по чисто теоретическим богословским вопросам. Это стоит в тесной связи с той ролью, которую предназначали ему на соборе. Действительно, как мы увидим в дальнейшем, Виссарион с самого начала заседаний Ферраро-Флорентийского собора был выдвинут императором в качестве оратора, который вместе с Марком Эфесским должен был вести прения. Виссарион противопоставлялся Марку Эфесскому как оратор и ученый богослов, достаточно образованный и талантливый для того, чтобы вести прения с латинянами, но в то же время известный своими латинофильскими симпатиями.

Осенью 1437 г. подготовка к созыву собора была закончена, и греческая делегация ждала отплытия в Италию.

24 ноября 1437 г. пышно разукрашенная эскадра из восьми судов покинула Константинополь, чтобы направить свой путь к берегам Италии; на борту этих судов[40] находились император Иоанн, деспот Дмитрий, патриарх Иосиф, духовные и светские сановники. 8 февраля 1438 г., после утомительного и опасного путешествия[41] греческая эскадра прибыла в Венецию.[42] Прием, оказанный грекам в Венеции, отличался большой торжественностью. Дож, члены синьории, сенаторы и другие знатные венецианцы выехали встречать почетных гостей и при огромном стечении народа проводили их во дворец, отведенный для императора и его свиты.[43]

После двухнедельного пребывания в гостеприимной Венеции византийский император продолжал свое путешествие. В Ферраре Иоанну Палеологу и патриарху была оказана такая торжественная встреча, которая вполне могла удовлетворить их самолюбие и усилить их надежды на почетные условия унии. Папа встретил императора у входа в свои покои, не допустил его до коленопреклонения, а обнял его и посадил рядом с собой.

Такое начало, казалось, сулило радужные перспективы византийскому посольству. Однако уже при обсуждении порядка ведения собора и мест его участников между греками и папой возникли серьезные разногласия. В конце концов, латиняне добились более почетных мест на соборе.[44]

---

[40] Византийская эскадра была снаряжена на средства папы Евгения IV, который выдал византийцам субсидию в 15 тыс. флоринов и должен был оплатить все издержки по переезду. Syrop., III, cap. XV.

[41] Турки, боясь помощи Византии со стороны Запада и желая воспрепятствовать путешествию императора на собор, однажды обстреляли греческую эскадру. Syrop. IV, 1.

[42] Ibid., IV, c. 1.

[43] Ibid., c. XIII. Франдзи, Migne, t. 156, p. 787 и сл.

[44] Syrop. IV, c. 28.

Греки выговорили себе денежные субсидии от папской курии: императору 50 золотых флоринов в месяц, патриарху — 25, деспоту — 20, представителям высшего духовенства по 4, остальным — по 3.[45]

Торжественное открытие собора состоялось 9 апреля 1438 г. в богато украшенной кафедральной церкви св. Георгия в Ферраре.[46] Автор Acta Graeca оставил нам описание первого заседания собора.[47]

Заседание открыл папа. Затем был зачитан декрет о созыве собора на греческом и латинском языках.

Со стороны греков на соборе присутствовали: император Иоанн VIII, патриарх Иосиф (скончавшийся впоследствии во Флоренции), брат императора деспот Дмитрий, 6 архиепископов — представителей вселенских патриархов (Антоний Гераклейский, Марк Евгеник — архиепископ эфесский, Исидор Русский, Дионисий — архиепископ сардский, Досифей — архиепископ монемвазийский и протосинкелл Григорий — представитель александрийского патриарха), 17 архиепископов и епископов восточных кафедр, в том числе Виссарион, и много игуменов и монахов. Со стороны латинян на соборе присутствовали папа, 8 кардиналов и ряд представителей западного духовенства.[48]

На первых порах латинофильская партия на соборе была немногочисленна, хотя и имела в своих рядах влиятельных лиц: Виссариона, протосинкелла Григория, Исидора, Дорофея Митиленского, Михаила Вальзамона и др.[49] Патриарх Иосиф, которого Васт[50] считает безусловно униатом, видимо, колебался и надеялся на заключение унии без догматических уступок латинянам.

Среди латинофилов были такой выдающийся оратор и дипломат, как Виссарион, энергичный и ловкий „человек действия", Исидор и т. д., но и православная партия могла похвалиться выдающимися ораторами и талантливыми церковными деятелями, по силе ума и характера не уступавшими латинофилам, как Марк Эфесский, его брат Иоанн Евгеник, знаменитый философ Гемист Плифон, брат императора деспот Дмитрий Палеолог, Георгий Схоларий, Антоний Гераклейский и ряд других. Убежденными противниками унии оставались представитель грузинской церкви Георгий (не желая подписывать унию, он бежал переодетый из Флоренции) и Исайя Ставропольский (также бежавший из Флоренции).[51] Поддержку православной партии оказывали представители двух афонских монастырей (Лавры и Ватопеда),[52] однако подписавшие в конце концов унию. Но наиболее важным являлось то, что большинство греков, присутствовавших на соборе, явно или тайно сочувствовали православной партии и оказывали ей поддержку. Без этого Марку Эфесскому, несмотря на всю его энергию и стойкость, не удалось бы так долго мешать заключению унии.

После торжественного открытия собора его заседания, по требованию греков, были отложены до прибытия западных государей и „отцов" Базельского собора. Перерыв заседаний длился около полугода, но во время невольной отсрочки собора велись переговоры особых комиссий,

---

45 Syrop. IV, c. 28.
46 Syrop. IV, c. 20.
47 Acta Graeca, 16—17.
48 Acta Graeca, 16—17; Syrop. IV, c. 28, p. 32.
49 Syrop. III, c. XVI, p. 60 и II, c. XVIII, p. 13.
50 Vast, p. 65, Васильев (ук. соч., стр. 100) считает его противником унии.
51 Syrop. X, 8, 292 и XI, I, 313.
52 Афонское монашество, отрицательно настроенное к унии, не послало представителей от всех монастырей Афона, чем, видимо, хотело показать свою оппозиционность к унии.

избранных с греческой и с латинской стороны. Со стороны греков в комиссию вошло 10 человек: Марк Эфесский, Виссарион, Досифей Монемвазийский, Мефодий Лакедемонский, Софроний Анхилакский, великий хартофилакс Вальзамон, великий эклесиарх Сиропул, два игумена и один афонский монах. Руководящую роль в комиссии играли Марк и Виссарион, которые одни только имели право вести прения.[53] В этой первой комиссии, повидимому, преобладало влияние православной партии, а латинофилы были в меньшинстве (кроме Виссариона, к ним принадлежали Досифей и Вальзамон).

То, что Виссарион был избран в первую комиссию, а затем оставался непременным членом всех комиссий на соборе и участником всех переговоров, указывает на его значительное влияние,[54] но даже по свидетельству латинофильски настроенного византийского историка Дуки, первое место в греческой делегации на соборе занимал вначале Марк Эфесский. Лишь второе место рядом с ним занимают Виссарион и Исидор, которых историк Дука, однако, считает самыми учеными из греческого духовенства.[55]

Выдвижение Виссариона в комиссию было сделано по настоянию императора, уже знакомого с дипломатическим талантом и латинской ориентацией Виссариона. Желая сосредоточить в своих руках руководство проведением собора, император издал особую инструкцию, сохранившуюся у Сиропула, где предложил докладывать ему о деятельности комиссии после каждого заседания. По этой инструкции со стороны греческой делегации имели право вести прения только Марк Эфесский. глава православной партии, и Виссарион — представитель латинофилов.

---

[53] Acta Graeca, 24; Syrop. V, 23; V, 3 и V, 8.

[54] Вопрос о роли Виссариона Никейского на Флорентийском соборе решается в буржуазной историографии различно, в зависимости от политической и вероисповедной позиции того или иного автора. Так, например, французский ученый Анри Васт, следуя своей конфессиональной точке зрения, выдвигает Виссариона на первый план в работе собора, преувеличивая его роль в заключении унии. По словам Васта, Виссарион был главным вдохновителем унии и пламенным борцом за нее. Без Виссариона уния никогда не была бы заключена (Vast. Назв. соч., стр. 83). Немецкий исследователь Рохолль присоединяется в этом отношении к Васту, считая Виссариона душой унии (R. Rocholl. Bessarion. Studie zur Geschichte der Renaissance. Leipzig, 1904).

Более трезво подходит к рассматриваемому вопросу наш русский ученый А. Садов, который не склонен преувеличивать роли Виссариона в деятельности собора. Но Садов впадает в другую ошибку — он отрицает наличие латинофильских взглядов у Виссариона и других членов собора (кроме, может быть, Исидора) до начала собора и считает, что Виссарион пережил „эволюцию" от православия к латинству уже в ходе самого собора (Садов. Назв. соч., гл. 1).

Новейшие труды, посвященные жизни и деятельности Виссариона, следующие:

1) Z. Mohler. Die Wiederbelebung des Platonstudiums in der Zeit der Renaissance durch Cardinal Bessarion. 1921.

2) Z. Mohler. Kardinal Bessarion als Theologe, Humanist und Staatsmann, I—II. Padeborn, 1923—1927.

3) S. Wilson Taylor. Bessarion the meditator. — Transactions and proceedings of the American Philological Association, 55. 1924.

4) Z. Mohler. Aus dem Briefwechsel des Kardinals Bessarion.

5) U. Lampsides. Zu Bessarions Lobrede auf Trapezunt. BZ. 35 (1935).

6) E. Candal. Bessarion Nicaenus in Concilio Florentino. — Orientalia Christiana. 6. 1940. Большинство этих авторов трактует деятельность Виссариона с идеалистических позиций и их выводы неприемлемы для историков-марксистов.

7) P. Koinides. Βησσαρίων ὁ Καρδιναλιος ὡς θεολόγος. Ἐκκλησιαστικὸς Φάρος, 39. 1940.

8) Политическое значение, которое приобрела фигура грека-ренегата в глазах римской ортодоксальной церкви в связи с борьбой против православия, нашло свое яркое выражение в издании с 1896 г. в Италии журнала „Bessarione" — воинствующего органа католической реакции.

[55] Ducas. Hist. Byz. XXXI, стр. 213.

Влиятельное положение Виссариона на соборе видно еще из того, что при официальном приеме папой представителей греческого духовенства он удостоился высокой чести: был принят в числе первых шести лиц вместе с патриархом.[56]

Становится понятной ошибка нашего русского монаха, участника Флорентийского собора, оставившего очень интересный памятник о деятельности этого собора, известный под названием „Повесть Симеона Суздальского об осьмом соборе",[57] где автор счел Виссариона наряду с Марком и Исидором представителем восточных патриархов.

„В лето 6946-ое начашу соборовати царю греческому Калуяну и патриарху Иосифу от себе избраша три святители: честна и свята мужа Марка, митрополита эфесского вместо патриарха александрийского, а другого митрополита Исидора русского вместо патриарха антиохийского, третьего митрополита Виссариона никейского вместо патриарха иерусалимского и тех посадиша в патриархово место".[58] В действительности же представителем иерусалимского патриарха был Дионисий Сардский.

Император все время покровительствовал Виссариону и Исидору и старался выдвинуть их на первый план. Таким образом, к началу прелиминарных прений в комиссиях получается следующая картина: наиболее видное место на соборе занимал Марк, за спиной которого стояло большинство греческой делегации, а рядом с ним, покровительствуемые императором, выступают представители латинофилов Виссарион и Исидор, влияние которых в ходе собора возрастает.

* * *

Прения с латинянами открыл Марк своей ответной речью на выступление кардинала Джулиано Чезарини, намекнувшего, что у греков будто бы уже готова выработанная еще в Константинополе программа уступок латинянам, которая должна привести к унии. Марк весьма резко отверг это предположение Чезарини и заявил, что целью собора может быть лишь выяснение истины.

В начале собора латинофилы действовали как бы единым фронтом с православной партией против притязаний папства и отстаивали интересы греков. Хотя речь Марка и не понравилась им своей резкостью, но они, по свидетельству Сиропула, еще не выступали против него. Эта политика латинофилов очень ярко проявилась в поведении Виссариона. На первых порах Виссарион выступал на соборе от имени всех греков и сохранял видимость полного единодушия греческой делегации. В своей речи, произнесенной им после Марка, он ни в чем существенном не разошелся с православным оратором.[59] Такое поведение Виссариона и латинофилов отнюдь не исключало закулисной борьбы партий, прорвавшейся затем в столкновении Виссариона с Марком. Повидимому, в этот период деятельности собора латинофилы и Виссарион еще не чувствовали за собой достаточной силы, чтобы открыто порвать с ортодоксально-православным большинством греков,

---

[56] Syrop. IV, 22, 97.

[57] Авторство этого труда точно не установлено. См. А. Н. Попов. Ист.-лит. обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М, 1875; Павлов. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб. 1871, стр. 198 и сл.

[58] Павлов. Назв. соч., стр. 200.

[59] Syrop. V, cap. 6—7.

пользовавшимся к тому же поддержкой народных масс Византии. Можно допустить, что латинофильская партия хотела даже показать, что на соборе она сделала все, что было в ее силах, для защиты греческого учения, чтобы впоследствии иметь оправдание перед своими соотечественниками.

Однако компромиссная политика латинофилов столкнулась с непримиримой позицией папства, не желавшего итти на уступки, а также православных ортодоксов, упорно стремившихся сорвать унию. Разрыв был неизбежен; постепенно назревая, он впервые открыто проявился в ссоре Виссариона с Марком Эфесским.

Нельзя придавать чересчур большого значения этой ссоре, как это делает А. Садов,[60] однако в их столкновении отразилась та глухая борьба православной и латинофильской партий, которая теперь прорвалась наружу. Вдобавок, такие натуры, как Виссарион и Марк, не могли мирно ужиться, и их столкновение рано или поздно было неизбежно; оба они были честолюбивы, энергичны и стремились занять первое место на соборе.

Марк Эфесский рисуется нам как человек сильной воли, твердых убеждений, с фанатическим упрямством отстаивавший свое мнение. Марк знал себе цену как богослов и оратор и не церемонился со своими противниками. По словам современников,[61] он имел крутой и резкий нрав, был чрезвычайно самолюбив и обидчив. Виссарион, обладавший известной гибкостью характера, в то же время отличался не меньшими самолюбием и самоуверенностью. Порою он также бывал вспыльчив и горяч.[62]

Повод для столкновения не замедлил представиться. Во время совещания избранных комиссий было решено, что как латиняне, так и греки составят свое письменное изложение учения о чистилище. Это дело было поручено Марку.[63] Однако император назначил ему в помощники Виссариона, протосинкелла Григория и Сиропула. Виссарион и Марк, задетые в своем самолюбии, не смогли найти общий язык, и каждый написал свое изложение греческого учения о чистилище. Император, не желая разжигать страсти, не отдал предпочтения ни тому, ни другому богослову и предложил соединить оба изложения и составить новое.[64] Это решение не удовлетворило ни Виссариона, ни Марка, и между ними произошел открытый разрыв.

Сиропул придает большое значение ссоре Марка с Виссарионом, считая, что „с нее началось великое разделение греков".[65] Виссарион открыто показал свой разрыв с Марком, демонстративно пересев от него, чем, по горестному замечанию Сиропула,[66] известил латинян о неладах между греками, а те не замедлили этим воспользоваться.

Таким образом, борьба православной и латинофильской партий проявилась в столкновении их вождей. Возможно, что личная вражда Марка и Виссариона явилась известным толчком к дальнейшему продвижению последнего по пути уступок латинянам и сближения с ними, но, разумеется, не она была одной из главных причин перехода Виссариона в латинство, как думает Садов.[67] Но, порвав с Марком, Виссарион

[60] Садов. Назв. соч., стр. 25—36.
[61] Syrop. VI, 20, p. 173.
[62] Ibid.
[63] Syrop. V, 12, 132.
[64] Ibid., 14, 133.
[65] Ibid., V, 14, 133.
[66] Ibid., V, 17, 139.
[67] Садов. Назв. соч., стр. 35—36.

не решался рвать с православной церковью и в своем изложении греческого учения о чистилище еще остается на православных позициях.

Влияние Марка в то время было, однако, более значительным, чем влияние Виссариона. Так, перед возобновлением заседаний собора возник вопрос, с чего начинать прения — с обсуждения ли самого догмата или с вопроса о законности какой бы то ни было прибавки к догмату. Мнения среди греков разделились. За то, чтобы начать прения обсуждением вопроса о законности прибавки, стояли Марк и Гемист Плифон, которые считали, что если удастся доказать незаконность прибавки к догмату, то сам собой отпадет вопрос о filioque и победа греков будет обеспечена. В конечном счете, это могло привести к срыву переговоров с латинянами. Против этого выступили Виссарион и его сторонники. Виссарион привел ряд аргументов в пользу начала прений о догмате, утверждая, что и в вопросе о законности прибавки греки не так уж сильны, как они думают.[68] Несмотря на красноречие Виссариона, победило мнение Марка, которого поддержало большинство делегации; сам император, склонявшийся на сторону Виссариона, не решился итти против большинства.[69] Виссарион должен был покориться.

Перед возобновлением заседаний собора была избрана новая комиссия из греков, в которую вошли: Марк, Плифон — представители православной партии; великий скевофилакс Феодор Ксанфопул — близкий к православным; Виссарион, Исидор и Михаил Вальзамон — латинофилы. Силы той и другой партии видимо уравновесились. Право вести прения опять было предоставлено только Марку и Виссариону, хотя иногда вставлял несколько слов и Исидор.

8 октября 1438 г. собор возобновил свои заседания. Первым выступил Виссарион. Его речь сохранилась полностью и представляет значительный интерес.[70] В ней Виссарион проявил себя горячим сторонником унии, но надежда на почетные условия заключения ее все еще не покидала Виссариона. Он полагал, что необходимо приложить все усилия для заключения унии, не щадя ни трудов, ни сил, ни времени. Надеясь на победу греков, Виссарион все же подготовлял им пути отступления, говоря, что „доброе поражение лучше худой победы“ и та сторона, которая окажется побежденной, должна с этим смириться и даже радоваться этому, так как „лучше самому освободиться от заблуждения, чем освободить от него другого“.[71]

Эта длинная речь Виссариона (он говорил с утра до позднего вечера) полна блестящей риторики, сдобрена большой дозой лести по отношению папы, императора и членов собора и проникнута горячим желанием заключить унию. Она рисует Виссариона, с одной стороны, как преданного сторонника унии, с другой — как человека, который еще боится порвать с большинством греков, надеется на победу над латинянами и выступает от лица всех греков собора. Такова же была позиция Виссариона и в других его выступлениях на соборе, относящихся к этому периоду; в частности, по вопросу о законности прибавки он остается еще в лагере ортодоксов.[72]

Но прениями руководил Марк, который своей непреклонностью вел все к большей и большей их затяжке. Папство также не сдавало своих позиций. Атмосфера накалялась, уния была под угрозой срыва. Папская

---

[68] Migne. Patr. gr., t. 161, p. 340.
[69] Ibid., p. 415.
[70] Ibid., p. 532—541.
[71] Migne. Patr. gr., t. 161, p. 540.
[72] Mansi XXXI, 524 D.

курия прибегла к материальному давлению на греков: она свыше пяти месяцев не выплачивала им установленной субсидии. Среди греков росли нужда, уныние и усталость. Многие из греческих делегатов были доведены до такой крайности, что принуждены были продавать свое церковное облачение, чтобы добыть себе пропитание. Естественно, многие из них только и мечтали о возвращении на родину. Автор Acta Graeca повествует: „Мы, греки, не только архиереи, но и все клирики и члены сената и все вообще, начали досадовать, говоря: что мы делаем, произнося и слушая бесплодные речи? Ни они не убедят нас, ни мы их. Надлежит нам поэтому возвратиться в наш город".[73] Среди греков началось дезертирство, против которого стали принимать меры, запретив грекам выезжать за город.

Чтобы еще больше поставить греков в зависимость от себя, папа придумал перенести собор из Феррары во Флоренцию. Удаляясь в глубь страны, греки еще больше зависели от курии. Бегство на родину становилось все трудней. Папа, кроме того, и материально выигрывал от перенесения собора, так как флорентийские банкиры и купцы обещали ему крупную денежную помощь, если собор будет перенесен во Флоренцию, что чрезвычайно оживило бы торговлю и культурную жизнь города. Привлеченный обещаниями субсидий,[74] император принял этот план, а также быть может втайне надеясь, что переезд во Флоренцию затруднит бегство греков с собора. Официальным предлогом перенесения собора во Флоренцию послужила моровая язва, появившаяся в это время в Ферраре.

Виссарион как сторонник унии был за перенесение собора, считая, что это поможет скорейшему окончанию дела, однако во Флоренции дела пошли не лучше, прения были столь же длинны и бесплодны, хотя они велись уже по главному вопросу — по вопросу об исхождении св. духа. После месяца бесплодных прений дело кончилось ультиматумом папы, гласящим, что если греки не найдут скорейший способ соединения церквей, то пусть сами ищут средств для возвращения на родину, не надеясь на субсидии папской курии.

В этот критический момент резко изменилась позиция Виссариона и латинофильской партии. Видя, что медлить больше нельзя и что для заключения унии необходимо пойти на уступки, они решительно выступают за унию на основе отказа от греческого учения об исхождении св. духа.

К этому времени почва была уже подготовлена. Многие греки стали переходить на сторону унии и не малую роль в этом повороте сыграла политика курии; Сиропул считает, что „основным нервом" унии были деньги.[75] Действительно, подкуп был широко пущен в ход папством. Многие видные греческие духовные сановники получили богатые подарки и еще более заманчивые обещания будущих наград. Так, Дорофей Митиленский получил от папы 300 флоринов золотом за свои труды в пользу унии. Латинские кардиналы устраивали для греков пышные обеды, на которых вели льстивые разговоры и расточали заманчивые обещания. В частности, Сиропул рассказывает о роскошных обедах, устроенных папой и кардиналом Джулиано Чезарини для митрополитов Меленика,

---

[73] Mansi XXXI, 692 B и C.

[74] Папа обещал дать грекам 12 тыс. золотых флоринов и 2 триремы, если уния будет заключена, и уплатить задержанные за 5 месяцев субсидии. Однако Сиропул говорит, что папа уплатил только 2412 флоринов золотом за 4 месяца вместо 5 месяцев. Syrop. VII, p. 14, 212—217.

[75] Syrop. Назв. соч., X, с. 8.

Дристры и Драмы.[76] Буржуазный ученый Васт, представитель католического направления в историографии, стремится преуменьшить значение подкупа в заключении унии, считая, что на греков подействовали веские догматические доказательства латинян и правота их учения, а главное энергия и честность приверженцев унии во главе с Виссарионом.[77] Хотя можно допустить некоторое преувеличение со стороны Сиропула — источника, как мы знаем, весьма тенденциозного, и других источников православного направления, тем не менее наличие подкупа греческого духовенства со стороны папства не подлежит сомнению. Вождям латинофильской партии, в частности Виссариону и Исидору, еще в ходе собора были обещаны кардинальские шапки. Впоследствии, по возвращении членов собора на родину, приверженцы православия осыпали их упреками за то, что они были подкуплены врагами истинной веры. В „Послании прота и иноков Афонской горы к великому князю Василию Васильевичу о правоверии Восточной церкви и суемудрии Западной" дважды приводится подобное обвинение против императора и его приверженцев, которые „какову мерзость въсхотеша очима своима увидети свою богочестивую веру продати на злате студным латинам".[78] Эти обвинения впоследствии были крупным козырем в руках православной партии.

Не малое влияние на греческое духовенство оказал император, прибегнувший к довольно решительному давлению на упорствовавших духовных сановников, не желавших итти на заключение унии, угрожая одним, подкупая других, чем добился перехода значительной части духовенства на сторону унии.[79] Сиропул сообщает, что император даже угрожал упорствующим покинуть их в недружелюбной стране, где они могут сделаться жертвами мстительности римского первосвященника.[80] На это жаловались греки, которых пугала подобная перспектива.[81] В то же время митрополиту кизикскому император подарил давно просимую им землю.

Что касается Виссариона, то здесь надо отметить еще одно обстоятельство. По прибытии в Италию Виссарион попал в среду видных итальянских гуманистов (Амброджо Траверсари, Гуарино, Флавио Биондо, Ауриспа) и вел с ними ученые беседы. Видные прелаты западной церкви, подобно кардиналу Джулиано Чезарини и Доменико Капраники, не без умысла стремятся привлечь Виссариона на свою сторону, знакомят его с учением католической церкви, ведут беседы на богословские темы.[82] Общая любовь к античности сближает Виссариона с гуманистами. При посредстве их Виссарион доставал латинские книги, главным образом в греческом переводе. Среда, в которую попал Виссарион в Италии, и католическая пропаганда оказали на него влияние и способствовали его сближению с латинянами.

К этому времени значительно возросло влияние латинофильской партии. В комиссии, образованной на Флорентийском соборе, четверо были латинофилами (Виссарион, Исидор, протосинкелл Григорий и

---

[76] Syrop. Назв. соч., X, с. 8.
[77] Vast. Назв. соч., 108.
[78] „Послание прота и иноков Афонской горы к великому князю Василию Васильевичу о правоверии Восточной церкви и суемудрии Западной по случаю Флорентийского собора", см. Летопись занятий археографической комиссии за 1864 год. СПб. 1865. Приложение, стр. 29.
[79] Syrop. Назв. соч., IX, с. 8.
[80] Ibid., p. 260.
[81] Ibid., p. 196.
[82] Садов, Назв. соч., стр. 37—42.

Дорофей Митиленский), двое колеблющихся, перешедших затем на сторону латинофильской партии (Антоний Гераклейский, Досифей Монемвазийский) и только один ортодокс — Марк.[83]

Весьма важной причиной, толкнувшей греков на уступки латинянам, были также доходившие из Византии тревожные слухи о готовящемся новом наступлении турок.[84] Колебания в среде большинства собора все усиливались, и авторитет православной партии падал. Довольно длительное время латинофилы еще пытались найти средний путь, выработать на соборе такую компромиссную формулу изложения учения об исхождении св. духа, которая удовлетворила бы обе стороны.[85] Однако достигнуть соглашения с папством на основе этих компромиссных и туманных формулировок не удалось; латиняне отвергли подобные предложения греков. Тогда латинофилам пришлось окончательно изменить свою политику.

Моментом, знаменующим поворот латинофильской партии к более решительному сближению с папством и к заключению унии на любых условиях, была знаменитая „Догматическая речь" Виссариона („Речь о соединении"),[86] произнесенная им в середине апреля 1439 г.

Она отражала переход латинофильской партии от политики выжидания к капитуляции перед католической церковью и показывала, на какие уступки шли латинофилы в области догматики. Это — блестящая по форме декларация латинской партии, вложенная в уста ее красноречивого вождя и поражающая своей „ученостью", обилием цитат из священного писания и творений отцов церкви. С этой речью Виссарион выступил не на официальном заседании собора, а на собрании одних греков у императора. Цель ее была убедить греков заключить унию на основе признания ими латинского учения об исхождении св. духа.

„Догматическая речь" делится на десять глав. В первой главе излагается история разделения церквей и показываются пагубные последствия этого. Далее идет тезис, выставленный еще в первой речи Виссариона, что к соединению церквей надо итти путем исследования истины. „Учителями" и „путеводителями" в этом должны быть отцы церкви. Характерно заявление Виссариона, что в создавшихся весьма сложных условиях необходим такой человек, который подверг бы себя риску и опасностям во имя истины.[87] Затем Виссарион переходит к существу дела. Он стремится подвести прочную базу под латинское учение о filioque.

Для доказательства своих основных положений Виссарион широко использует творения восточных отцов церкви (Анастасия, Григория Нисского, Максима, св. Василия и др.), а также западных (Илария, Амвросия, Августина и др.).

Виссарион при этом опровергает весьма распространенное обвинение против латинян — в порче творений западных отцов, приводя следующие аргументы:

---

[83] Acta Graeca, p. 224—233.

[84] Syrop. V, 10, p. 125; VIII, 3, p. 219.

[85] Виссарион выдвигал в качестве такой формулы изложения учения об исхождении св. духа в послании Максима к Марину; другие предлагали послание Тарасия, патриарха константинопольского, где говорилось, что св. дух исходит от отца через сына.

[86] Migne. Patr. gr., t. 161, p. 243—611.

[87] Ibid., t. 161, стр. 550. Намек на то, что сам Виссарион подвергается риску, выступая на защиту унии.

1. Огромное количество книг творений западных отцов, рассеянных по разным странам, указывает на техническую невозможность их порчи.

2. Между мыслями об исхождении св. духа от сына и общим контекстом в творениях западных отцов церкви существует логическая связь, исключающая подозрения в порче текста.

3. В самом начале разделения церквей высказывания латинских отцов об исхождении св. духа гласили то же самое, что и теперь.

4. У греков нет таких экземпляров творений западных отцов, которые трактовали бы иначе вопрос об исхождении св. духа и от сравнения с которыми можно было бы доказать неподлинность спорных мест.

Далее, от догматических вопросов, в которых Виссарион проявляет свою блестящую эрудицию, логичность и стройность своих построений, он переходит к аргументам в пользу унии чисто политического характера. Очень красочно рисует он картину бедствий и опасностей, грозящих Византии, если греки не объединятся с латинянами. Он убеждает как можно скорей заключить унию и просить помощи латинян, в противном случае у греков не будет никакого оправдания перед потомством в том, что они не попытались спасти отчизну в минуту грозной опасности.[88] К разделению церквей нет причин, ибо учение латинян не противоречит учению святых отцов. „Не видеть истинности латинского учения — намеренно закрывать глаза от света, губить себя и греческий народ, а также подвергать опасности все христианские народы и страны".[89] Далее Виссарион идет на открытый разрыв с православной церковью и ортодоксами. Он умывает руки в бедствиях, грозящих родине из-за упорства ортодоксов, и заявляет, что сам пойдет на соединение с латинянами, даже если греки не захотят этого. Он сможет оправдаться перед потомством, торжественно заявив, что не принимал участия в пагубном разделении, несущем неисчислимые бедствия греческому народу.[90]

„Догматическая" речь произвела сильное впечатление. Она еще более усилила колебания большинства греков и толкнула многих из них к переходу на сторону латинофильской партии. Значение этой речи видно и из той нескрываемой радости, которую она вызвала среди западного духовенства. Так, Амброджо Траверсари писал кардиналу Джулиано Чезарини:

„Возвещаю тебе, отец, радость, общую обоим нам, а лучше сказать, всей церкви... Наш Никейский (Nucaenus noster) сегодня в публичном собрании греков в присутствии императора и всех епископов произнес слова веры и хвалы, говоря перед всеми открыто, что святая римская церковь истинно мыслит в таинстве веры, что прибавка в символе сделана совершенно правильно, и что он хочет эту свою веру, это устное исповедание изложить письменно".[91]

Какой эффект произвела речь Виссариона среди греков, показывает знаменательное выступление Георгия Схолария, последовавшее непосредственно за речью Виссариона. Схоларий, бывший до сих пор одним из ярых приверженцев православной партии и ближайшим учеником Марка, выступил теперь на защиту унии.[92] Он приводит ряд аргументов в пользу

---

[88] Migne, Patr. gr., t. 161, p. 600—609.
[89] Ibid., 161, p. 608—609.
[90] Ibid., p. 611.
[91] Ambrod. Traversari. Epist., lib. XII, p. 40.
[92] У Migne приводятся подлинное послание и три речи Георгия Схолария, т. 160, стр. 381 и сл.

соединения с латинянами. Главные его доводы — политического характера: грозная опасность нависла над родиной, Константинополь блокирован с суши и с моря, и враги, может быть, уже осаждают его в тот момент, когда он произносит эти слова. А император и такие влиятельные люди, как члены собора, находятся вдали от родины, в то время как их возвращение уже означало бы огромную помощь столице. Хотя уния и не почетна, но ее необходимо заключить немедленно. Схоларий напоминал собравшимся о женах, детях и родителях, попавших в тяжелую нужду без всяких средств, предлагал подумать о грозящих убийствах, плене, оскорблениях, о голоде и жажде, о плачевном бегстве, захвате детей, убийстве стариков, о душераздирающей разлуке со всеми, кто близок их сердцу, об осквернении святынь[93] и т. д. Он напоминал о том, что многие — кто по доброй воле, а кто под влиянием насилия — отойдут от истинной веры и обратятся „к неверному культу Магомета".[94]

Далее Георгий говорил, что правильность учения о filioque так ясно доказана латинянами, что только „ослепленные собственной страстью могут не признать его".[95] Он подчеркивал бессилие греков и высмеивал их наивные надежды на победу над латинянами, при силе аргументов последних и неподготовленности греков.[96] Особенно слабым доводом греков он считал их ссылки на порчу книг латинянами. Общий вывод Схолария таков — необходимо как можно скорей заключить унию и только на одном условии; чтобы греки продолжали читать свой символ веры по-старому, так как надо сделать так, чтобы уния была приемлема для всех народов, подчиненных греческой церкви.

Георгий Схоларий убеждал греков, получив помощь от латинян, спешить на родину, которая призывает своих сынов. Подобные же мысли Георгий проводил и в другой своей речи на Флорентийском соборе и в трех „Посланиях" к собору. Эти выступления Схолария так разительно отличаются от его позиции в предшествующий период и стоят в таком противоречии со всей его последующей деятельностью главы православной партии, что это дало даже повод к возникновению исторического недоразумения — появлению двух Георгиев Схолариев (Allatius, Renaudot и др.).[97] На самом же деле Георгий Схоларий, поняв безвыходность положения греков, временно пошел на компромисс с латинянами на Флорентийском соборе, а впоследствии вновь вернулся в православие.

Этот же поворот Георгия вызвал большие споры в научной литературе. Садов утверждает, что Схоларий был действительно убежден аргументами латинян на соборе и искренне перешел в унию, но затем „раскаялся" и стал опять строго православным, „энергичным борцом за православие, его опорой и лучшим украшением".[98] Васт, следуя за Марком Эфесским, который в своем письме к Схоларию упрекает его в том, что „он побоялся угроз и польстился на дары и почести",[99] что „он занялся политикой, чтобы искать окольные пути в пользу унии",[100] считает, что решающую роль в изменении позиции Схолария играли личные, корыстные

---

[93] Migne, t. 160, p. 395—397.
[94] Ibid., 397.
[95] Ibid., 401.
[96] Ibid., 388—389.
[97] См. Praefacio к трудам Георгия Схолария у Migne, t. 160, p. 254 sqq.
[98] Садов. Назв. соч., стр. 72.
[99] Migne, t. 160, p. 1093.
[100] Ibid., p. 1096.

мотивы. Скорее всего можно допустить, что наряду с личными мотивами общеполитические моменты сыграли все же главную роль в перемене его настроения. Во всяком случае, поворот Схолария был очень знаменателен, ибо показал, что среди колеблющейся части ортодоксов произошел перелом в пользу унии.

Вслед за Схоларием перешли на сторону унии такие влиятельные участники собора, как Антоний Гераклейский, Досифей Монемвазийский и др. Марк Эфесский с горечью признал успехи своих противников, говоря, что „латинизм нас завоевывал мало-помалу".[101] Вместе с тем, влияние латинофилов, в частности, Виссариона и Исидора, значительно возросло. По словам Сиропула, они заняли первое место при императоре, вступившем с ними в тайные переговоры, и под конец Флорентийского собора сосредоточили в своих руках все нити переговоров с папством. Латинофилы пошли теперь даже дальше самого императора, заявив, что если император не соединится с латинянами, то они сами это сделают.[102]

Ожесточение в борьбе партий достигло крайних пределов. Противники осыпали друг друга бранью; Виссарион публично назвал Марка Эфесского „бесноватым", а Дорофей Митиленский и Мефодий Лакедемонский хотели донести папе, что Марк называл римского первосвященника еретиком.

Параллельно падало влияние Марка Эфесского. Его упорство и строптивость раздражали императора. Существует мнение, что император задержал Марка под арестом во время заключительных переговоров на соборе, чтобы он не мешал подписанию унии. Садов отрицает это, ссылаясь на утверждение самого Марка, будто бы участвовать в заключительных прениях ему помешала болезнь, но скорее можно допустить, что болезнь была лишь благовидным предлогом, которым Марк хотел скрыть свой арест.

Под давлением обстоятельств, а также при энергичном воздействии латинофилов и императора, греки пошли, наконец, на уступки и признали подлинность творений отцов западной церкви, а отсюда был только один шаг до признания латинского учения.

Окончательное согласие на унию было вскоре достигнуто. Греки пошли на уступки почти по всем вопросам, разделявшим церкви. Лишь один пункт вызвал решительное сопротивление греков и самого императора. Это вопрос о супрематии папы, вопрос наиболее болезненный для греков и задевавший интересы императора. Иоанн Палеолог даже чуть было не прервал переговоры из-за чрезмерных притязаний папства по этому вопросу. Знаменательно, что и здесь латинофилы пошли дальше императора и поддержали требования латинян, например требование включить в соборное определение право папы принимать апелляции на императора и патриарха, что особенно больно задело Иоанна Палеолога; он горестно сетовал, что „сами греки поддерживали и даже подстрекали латинян в их чрезмерных требованиях"[103] (явный намек на Виссариона и его друзей).

Но и по этому вопросу удалось достигнуть соглашения, причем латинофилы проявили немало дипломатического искусства; была принята довольно расплывчатая формулировка о признании папы наместником Христа, пастырем и учителем всех христиан. Требование об апел-

---

[101] Migne, t. 159, p. 1076.
[102] Syrop. 9, 1—6.
[103] Syrop. X, 3, 281.

ляции к папе не было принято, и латиняне не стали на этом особенно настаивать. Одновременно было заключено соглашение между папой и императором, на основании которого папа обещал:

1. Взять на свой счет возвращение греков на родину.

2. Содержать в Константинополе 300 воинов и 2 галеры для охраны города.

3. Паломникам, отправляющимся на Восток, вменить в обязанность посещать Константинополь.

4. В случае особой нужды прислать императору 20 галер на полгода или 10 галер на год.

5. Способствовать всеми силами тому, чтобы в случае крайней опасности для Византийского государства европейские государства пришли со своими войсками на помощь империи.

Большая часть условий этого договора, вскрывающего политическую подоплеку Флорентийской унии, осталась на бумаге, и, как известно, реальной помощи от Запада Византия не получила.

Ведущая роль Виссариона особенно ярко сказалась в заключительный период деятельности Флорентийского собора. Он принимал самое живое участие в составлении соборного постановления, настаивая вместе с Исидором на внесении в определение анафемы против ослушников постановлений собора, что было отвергнуто большинством греков, боявшихся (и весьма основательно), что уния будет встречена на родине враждебно.[104] Виссарион составляет и зачитывает греческое определение о словах пресуществления, ведет переговоры с латинянами, иногда в угодливом тоне (например, соглашается на предложение латинян, чтобы после заключения унии греки причастились по латинскому обряду),[105] совместно с Траверсари участвует в составлении греческого перевода латинского текста соборного определения.

5 июля 1439 г. латинская редакция соборного определения была торжественно подписана папой и сорока латинскими прелатами. В тот же день греческая редакция была принесена в резиденцию императора во Флоренции и началось подписание унии греками. Иоанн Палеолог первый красными чернилами подписал унию, затем подписали другие греки, согласно их рангу. Из 27 архиепископов и епископов, прибывших на собор, унию подписало 18. Не подписали ее: Марк Эфесский, оставшийся до конца непреклонным, Исайя Ставропольский, бежавший из Флоренции, монах Георгий, представитель грузинской церкви, также бежавший с собора, и Дионисий Сардский. Монахи Афона унию подписали. Виссарион подписал унию дважды — за себя и за Мануила Хрисокока, своего учителя. Всего было 33 греческих подписи.

6 июля 1439 г. в кафедральном соборе Флоренции состоялось торжественное заключение унии между греческой и латинской церквами. В прекрасном храме открылось блестящее собрание западных и восточных прелатов. Папа, окруженный кардиналами и латинским духовенством, восседал в пышных одеждах в центре собрания. Греческие духовные лица окружали императора. После мессы кардинал Джулиано Чезарини прочел латинский текст соборного определения, а затем греческую редакцию зачитал Виссарион. После этого греки, во главе с императором, подходили по очереди к папе, преклоняли перед ним колени и целовали ему руку,— эта церемония знаменовала поражение греков.

---

[104] Sygop. X, 5, p. 284.
[105] Ibid. X, 9, p. 294.

* * *

Ход событий на Флорентийском соборе приводит нас к следующим выводам.

Борьба на соборе носила крайне ожесточенный и крайне сложный характер. С одной стороны, это была последняя попытка господствующих классов Византии, при своем падении, опереться на руку „единоверного" Запада в надежде, что эта опора явится якорем спасения. Эту надежду греки покупали ценою потери своей церковной и политической независимости, ценою унии; уния была не чем иным, как актом отчаяния господствующих классов гибнущей Восточной империи. С другой стороны, это была борьба хищного папства, почуявшего крупную добычу в лице агонизирующей Византии и пустившего в ход все средства и приемы, накопленные в арсенале традиционной папской политики. Для папства такая заманчивая цель вполне оправдывала любые средства. Путем унии папство надеялось расширить свое господство и поднять свой престиж.

В тесном переплете с борьбой между Западной и Восточной церквами выступает борьба между самими греками, между латинофильской и ортодоксальной партиями. Ход ее часто определялся ходом борьбы между папством и православием. Вначале мы наблюдаем на соборе как бы единый фронт греков против латинян; греческая делегация в целом пытается дать догматический бой папству в расчете если и не победить, то хотя бы удержаться на позиции равноправной стороны и заключить унию на почетных условиях. Естественно, что программой, за которую боролись греки в тот период, была ортодоксальная программа православной партии; руководство делегацией находилось в руках ортодоксов и их лидера Марка Эфесского.

Но непримиримая позиция папства, не желавшего итти ни на какие уступки, трудности, на которые натолкнулось заключение унии и тревожные вести с родины,—все это поставило греков перед альтернативой: или срыв унии, или заключение унии на основе капитуляции перед папством. Это привело к окончательному расколу среди греков, коалиция православной и латинофильской партий стала невозможна; между ними началась открытая борьба.

Ортодоксальная партия, видя невозможность победы, взяла линию на срыв унии, пытаясь повести за собою всю делегацию. Но обстановка сложилась не в пользу ортодоксов. Трудности, с которыми столкнулись греки, в частности нажим императора, привели к переходу колеблющейся части делегации на сторону латинофилов, которые, в результате этого, получили большинство. Фактическое отстранение императором Марка Эфесского от участия в работах собора избавило латинофилов от их главного противника и окончательно развязало им руки. Путь для латинофилов был расчищен. Их активность чрезвычайно возрастает, в их руки переходит руководство делегацией, и вождем греков на соборе фактически становится Виссарион. Программа латинофилов была объявлена официальной программой греческой делегации. Победа латинофилов на заключительном этапе обсуждения „греческого вопроса" на Флорентийском соборе привела к подписанию унии и капитуляции перед папством.

Анализ источников и изучение деятельности Виссариона на соборе целиком опровергает мнение православной историографии (Садов и др.), что Виссарион только на соборе примкнул к латинофилам, что только здесь произошла „эволюция" взглядов Виссариона от православия

к латинству. Напротив, все данные говорят за то, что Виссарион уже задолго до собора был одним из вождей латинофильского движения. Его деятельность на соборе лишь окончательно закрепила за ним роль лидера латинофильства.

Поводом к версии об „эволюции" взглядов Виссариона послужило то обстоятельство, что его поведение в начале и в конце собора было неодинаковым: от поддержки Марка Эфесского он перешел к борьбе с ним. Но такая тактика Виссариона стояла в прямой связи с позицией всей латинофильской партии на соборе, перешедшей от политики временного блока с ортодоксами к открытой борьбе с ними. В этом состоит главная причина „эволюции" Виссариона, и ясно, что это вовсе не доказывает резкого поворота в самой его идеологии.

Можно говорить лишь о возросшей активности Виссариона как сторонника унии, о полной его капитуляции перед латинством. В этом отношении Виссарион, как известно, пошел даже дальше, чем такой явный сторонник унии, как император. Здесь, помимо изменения политической обстановки на Флорентийском соборе, немаловажную роль для Виссариона сыграли и причины субъективного порядка: обещание кардинальского сана, влияние итальянских гуманистов и высшего латинского духовенства, с которыми Виссарион поддерживал постоянную связь во время заседаний собора. Однако папская курия не могла бы итти так далеко в своих обещаниях, если бы Виссарион не был заранее ей известен как влиятельная латинствующая фигура среди греков.

* * *

Латинофильская партия видела спасение Византии только в союзе с Западом; уступки Западу она считала меньшим злом по сравнению с турецкой опасностью. Домарксистская историография в оценке латинофилов разделилась на два лагеря. Историография православного направления, относясь к ним резко отрицательно, подходила к их оценке с православно-церковных позиций; для нее это — группа, тянувшая Византию в лоно католицизма, к святотатственному отступничеству от догм православия. Историография западная поднимала латинофилов на щит именно за то, что они были сторонниками Запада и шли на разрыв с религией Византии. С нашей точки зрения неправы и те и другие, неправы потому, что к решению вопроса они подходят с неверным критерием. Очевидно, нужно подходить к оценке латинофильского течения не столько с точки зрения догматической или культурной, сколько с точки зрения политической, кладя в основу оценки политическую направленность этого течения. Тенденциозные, узко-конфессиональные позиции западной или восточноевропейской буржуазной историографии должны быть покинуты; для нас критерием является объективное значение деятельности латинофильской партии для самой Византии, для судеб ее народа.

При таком подходе к оценке латинофилов отпадает вопрос о меньшем зле; западная опасность была не меньшим злом для Византии, а турецкая опасность была не хуже западной; обе опасности „были хуже". Каковы были планы Запада, представителем которого выступало папство, относительно Византии? Не подлежит сомнению, что, начиная с разделения церквей, планы папства сводились к полному политическому подчинению православного Востока (об этом говорит вся история крестовых походов и особенно опыт Латинской империи). Трагическое положение Византии в первой половине XV в. было для папства лишь удобным случаем для реализации его вековых агрессивных планов.

Латинофильская партия и ее вождь Виссарион, считавшие папство меньшим злом или даже другом Византии, объективно стали орудием папской политики. Ошибка латинофилов состояла в том, что они вступили на ложный путь, возложив все свои надежды на Запад, который не хотел (да уже и не мог) спасти Византию.

Виссарион был наиболее ярким выразителем латинофильского течения; он последовательнее других сделал все политические выводы из программы латинофильской группы византийских правящих кругов, наиболее полно выразил тенденции пролатинского течения в византийской политике. Эта последовательность и привела его к ренегатству, к фактической измене своей родине.

Таким образом, латинофильская партия в целом было антинародной. Ее программа — не союз с народом для борьбы с чужеземными завоевателями, а путь отрыва от народа, путь, рассчитанный на поддержку внешних сил, на деле враждебных Византии. Поэтому не случайно Флорентийская уния, дело рук папства и латинофилов, не была принята византийским народом.

Однако и православная партия не могла стать подлинно „национальной" силой и сплотить византийский народ на борьбу с турками. Она не была партией истинных патриотов; она боялась своего народа. Даже в самый острый момент, когда решалась судьба государства, правящие группы не пожелали сделать никаких уступок народу, оказались неспособными поступиться хотя бы частью своих привилегий — нарушение традиционных преимуществ церковно-феодальной клики для них было страшнее, чем потеря независимости. Поэтому православная партия отнюдь не может рассматриваться как представительница всех „национальных" сил Византии. Опираясь первоначально на народ, она мало-помалу потеряла свое влияние на широкие слои населения. Антинародным было и появившееся в тот период туркофильское течение, рожденное, с одной стороны, успехами турок и их политикой привлечения на свою сторону производительных классов Византии, а с другой стороны, растущей слабостью Византийского государства, а также тяжестью феодального гнета и разорением византийского крестьянства. Предательская политика туркофилов значительно облегчила туркам завоевание Византии.

Историческая трагедия Византийского государства состояла в том, что в нем не нашлось подлинно „патриотической" силы, способной повести византийский народ на борьбу с внешним врагом. Правящие феодальные и церковные круги Византии не только не смогли сплотить народ в борьбе против иноземного нашествия, но оказались неспособными создать единство в своих собственных рядах. В момент смертельной внешней опасности, когда настоятельно требовалась консолидация всех сил государства, оно оказалось расколотым на ряд враждующих партий, борьба которых в конечном счете явилась одной из причин падения Византии.